

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.3

КСЕНОФОБИИ НА ЮГЕ РОССИИ: ЭТНО- И МИГРАНТОФОБИИ¹

Мукомель Владимир Изявич

Доктор социологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук,
г. Москва,
e-mail: mukomel@isras.ru

XENOPHOBIA IN THE SOUTH OF RUSSIA: ETHNOPHOBIA AND MIGRANTPHOBIA

Vladimir I. Mukomel

Doctor of Sociological Sciences,
Main researcher, Sociological
Institute, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow,
e-mail: mukomel@isras.ru

Ключевые вопросы, рассматриваемые в статье: какие этнические группы вызывают наибольшее отторжение носителей интолерантных установок, как соотносятся этнофобии и мигрантофобии, как меняется отношение к определенным этническим группам и мигрантам? Эмпирической базой для анализа являлись данные по Югу России 24-й и 17-й волн Российского мониторинга экономики и здоровья населения – RLMS-HSE (2015 и 2008 гг.), а также результаты качественных исследований Института социологии РАН в четырех регионах Юга России в 2015–2017 гг. Наиболее настороженно население относится к выходцам с Северного Кавказа, из Средней Азии, Юж-

The key issues addressed in the article are the following: what ethnic groups cause the greatest rejection of the carriers of intolerant attitudes, How can ethnophobia and migrantphobia be compared, How does the attitude towards certain ethnic groups and migrants change? The author uses a wide empirical basis for the analysis: the data about the South of Russia, 24 and 17 waves of the Russian Monitoring of the Economy and Health of the Population - RLMS-HSE (2015 and 2008 years), as well as the results of qualitative research conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in four regions of the South of Russia in 2015-2017. The population is most wary of the people from the

¹ Статья выполнена в рамках поддержанного РНФ проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (грант № 14-18-01963-П).

ного Кавказа. Показано, что респонденты с разными установками толерантности / интолерантности (толерантные, колеблющиеся, гипоинтолерантные и гиперинтолерантные) существенно различаются своим отношением к представителям «видимых меньшинств». Делается вывод, что этническая толерантность или интолерантность является ключевым индикатором отношения к мигрантам. На Юге России уровень этнофобий и мигрантофобий снижается, однако настороженность к представителям отдельных «видимых меньшинств» устойчива и принимает латентные формы.

Ключевые слова: ксенофобия, этнофобия, мигрантофобия, толерантность, интолерантность, гиперинтолерантные, гипоинтолерантные, «видимые меньшинства», установки, доверие, идентичности.

North Caucasus, Central Asia, the South Caucasus. It is shown that the respondents with different attitudes of tolerance / intolerance (tolerant, hesitant, hypo-intolerant and hyper-intolerant) significantly differ according to their attitudes towards the "visible minorities". It is concluded that ethnic tolerance or intolerance is a key indicator of the attitudes towards migrants. In the South of Russia, the level of ethnophobia and migrant phobia is decreasing, but the alertness to the representatives of certain "visible minorities" is stable and have latent forms.

Keywords: xenophobia, ethnophobia, migrant phobia, tolerance, intolerance, hyper-intolerant, hypo-intolerant, visible minorities, attitudes, trust, identities.

*Продолжение.
Начало в № 5 2017 г.*

В предыдущей статье было показано, чем отличаются придерживающиеся толерантных установок от их интолерантных антиподов [1]. Толерантные респонденты намного реже боятся будущего, для них характерны повышенная оценка самих себя и своих возможностей повлиять на свою жизнь, чувство контроля за своей жизнью при меньшем по сравнению с их антиподами ощущении беспомощности, отсутствия социальной поддержки ближайшего окружения, общей социально-психологической неудовлетворенности.

Доля как толерантных, так и интолерантных людей на Юге России невелика: основная масса населения не придерживается четких установок; в большинстве случаев следует ожидать ситуативной реакции при контактах с «иными». В то же время отношение населения к представителям конкретных этнических групп и мигрантам, как демонстрируют многочисленные опросы, артикулируется более определенно.

Какие этнические группы вызывают наибольшее отторжение? Как соотносятся этнофобии и мигрантофобии? Как меняется отношение к конкретным этническим группам и мигрантам? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящена настоящая статья, эмпирической базой для которой стали данные по Югу России 24-й и 17-й волн Российского мониторинга экономики и здоровья населения – RLMS-HSE, (2015

и 2008 гг.), а также результаты качественных исследований Института социологии РАН в четырех регионах Юга России в 2015–2017 гг.

Этнофобии: какие этнические группы вызывают наибольшую настороженность?

Уже многие годы прослеживается картина: россияне наиболее негативно относятся к выходцам с Северного Кавказа, из Закавказья, Средней Азии и Юго-Восточной Азии. В то же время ситуация постоянно меняется, и этнофобии в отношении определенных этнических групп варьируются в зависимости от изменения информационного поля, масштабов и длительности присутствия представителей этнических групп в конкретной местности. Настороженность в отношении выходцев с Кавказа, из Средней Азии, китайцев, вьетнамцев, цыган, достигшая пика в 2013 г. на фоне проходившей тогда выборной кампании мэра Москвы, событий на Матвеевском рынке и в Западном Бирюлево, существенно снизилась в последующие годы. Доля выступающих за ограничение проживания на территории России выходцев с Кавказа, из среднеазиатских республик, цыган уменьшилась к 2016 г. более чем на треть, вьетнамцев – более чем на 40 %, китайцев – почти вдвое. Одновременно в 2,6 раза возросла доля выступающих за ограничение проживания на территории России украинцев [2, с. 190]. Информационный фон играет огромное значение: события на Юго-Востоке Украины и потоки оттуда беженцев в Россию способствовали вспышке украинофобии, а разворот российской внешней политики в 2014–2015 гг. на восток – снижению синофобии.

При этом во всех репрезентативных российских опросах 1990-х – начала 2000-х гг. выстраивалась следующая иерархия отторжения этнических групп: северокавказцы (в случае выделения – чеченцы), выходцы из Закавказья (в случае выделения – азербайджанцы), выходцы из Средней Азии и Юго-Восточной Азии (при выделении – китайцы). В последние годы отторжение выходцев из Закавказья начинает уступать неприятию выходцев из Средней Азии. Эта тенденция прослеживается и на данных 24-й волны RLMS-HSE, в которой задавались вопросы из известной шкалы Богардуса.

Наиболее негативно отношение россиян к чеченцам, дагестанцам, выходцам из Средней Азии и Вьетнама (рис. 1). При этом неготовность видеть своим непосредственным руководителем представителя той или иной этнической группы существенно выше, чем нежелание соседствовать с его семьей. Отметим также интолерантность к украинцам, возросшую в последние годы.

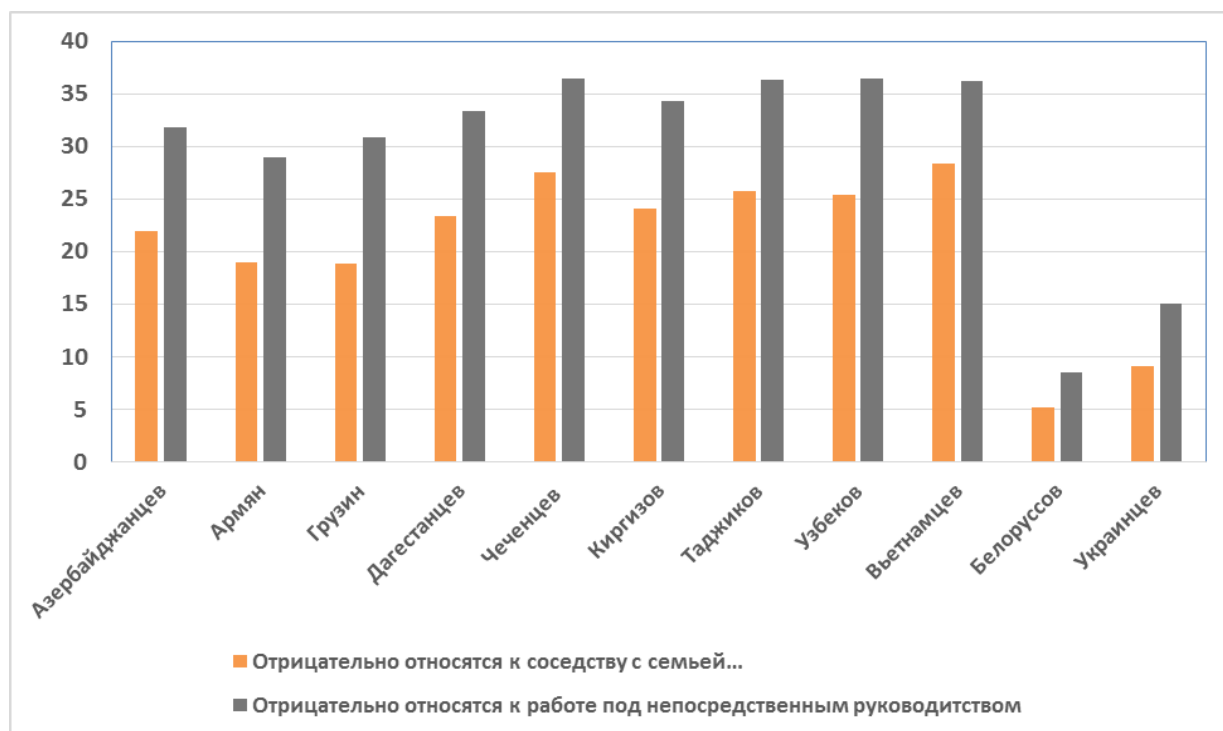

Рис. 1. Отрицательное отношение к соседству и работе под руководством представителей разных этнических групп, % опрошенных

Особого внимания заслуживает более благожелательное отношение в последние годы к выходцам из Закавказья¹. При этом респонденты дифференцируют выходцев из Закавказья: на одном полюсе – армяне и грузины, на другом – азербайджанцы:

«Если говорить про армян, грузин, с ними, конечно, проще. Они ближе по каким-то культурным ценностям, потому что армяне – православные, потому что они хотя бы христиане. С азербайджанцами, конечно, сложнее» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 1, 2015 г.).

«Армяне – богатый народ. Грузины – красивый народ. Азербайджанцы – это тоже народ» (Астрахань, эксперт 3, 2015 г.).

Во всех регионах выделяют армян, культуру общения, профессионализм и авторитет врачей армянского происхождения. Уважительно отзываются о деловых качествах армян, их умении договариваться и ответственности:

«Армяне Чалтыря – мой любимый народ (Мясниковский район)... это самые ответственные, исполнительные люди» (Ростов, местные, квалифицированные, ФГ 1, 2017 г.).

¹ Здесь и ниже приводятся цитаты из фокус-групп и экспертных интервью, проведенных Институтом социологии РАН на Юге России в 2015–2017 г.

«Армяне – классные. Они ответственные, честные, серьезные и трудолюбивые. Очень гостеприимные» (Крым, русские, неквалифицированные, ФГ 6, 2017 г.).

Даже когда армяне перенимают нелучшие качества местных, это вызывает уважение:

«...Мало того, что ассимилировались, они оставили свою ушлость, прошаристость, ещё и стали наглыми по-ростовски» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 1, 2015 г.).

«[Армяне]... ой, это наши! (смеются). Мы их не считаем другой национальностью уже давно» (Ростов, местные, квалифицированные, ФГ 1, 2017 г.).

На армян уже не распространяется, по крайней мере в Ростовской области, стереотипное определение кавказцев: *«Армяне уже не считаются кавказцами...» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 2, 2015 г.).* Такое восприятие армян начинает распространяться и на другие этнические группы Закавказья: *«[Армяне]... уже ростовчане. Грузины – то же, абхазцы...» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 2, 2015 г.).*

Несмотря на некоторое противопоставление армян и грузин (которых в России намного меньше, чем первых) азербайджанцам, претензии к последним также снизились (в том числе вследствие снижения масштабов трудовой миграции из Азербайджана и их успешной адаптации и интеграции в российские локальные социумы), все чаще им отдается должное: *«У представителей этой национальности есть такая черта – они доводят все до идеала. Они настолько въедливые... если они привезли фрукты, то у них должны быть самые лучшие. Если они ремонтируют машину, то она должна быть просто идеальна. У них такое упорство – я, честно говоря, даже завидую» (Крым, русские, неквалифицированные, ФГ 6, 2017 г.).*

В регионах, где население накопило большой опыт коммуникаций с представителями отдельных национальностей, их лучше идентифицируют: в Ростове хорошо различают представителей этнических групп Северного Кавказа и Закавказья, украинцев. Сложнее с выходцами из Средней Азии: *«Я таджиков навряд ли смогу отличить, без национальных костюмов» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 1, 2015 г.).* При всей настороженности к выходцам из Средней Азии отмечалась их неконфликтность, особенно таджиков.

Даже традиционные претензии к чеченцам пошли на убыль: *«...это сгладилось... Тут больше Дагестан будет волновать даже... они [чеченцы] перестали выпячивать свои обычаи, они перестали это*

демонстрировать. И это очень изменяет конфигурацию» (Ростов, эксперт 2, 2017 г.).

«Если даже их [чеченцев] и не стало меньше, то они вообще не на слуху. Более проблемные дагестанцы у нас» (Ростов, эксперт 3, 2017 г.).

«...со временем... конечно, они все равно интегрируются в общество» (Астрахань, эксперт 4, 2015 г.).

Не последнюю роль сыграли наработки местных властей по купированию проблем: *«В студенческой среде стало спокойнее. Вузы все занимаются этими вещами»* (Ставрополь, эксперт 1, 2016 г.).

Исследования Института социологии в Башкирии в 2017 г. показали, что настороженность к выходцам с Северного Кавказа практически такая же, как и по отношению к представителям других российских меньшинств – калмыкам, бурятам, якутам.

Высказывалась мысль, что снижение напряженности с кавказцами – следствие украинских событий: *«По отношению к дагестанцам и чеченцам острота восприятия уменьшилась из-за украинских событий, общего “врага”»* (Астрахань, эксперт 3, 2015 г.).

Во всех регионах ситуация если не улучшается, то остается стабильной. Идет взаимная адаптация мигрантов и принимающего населения, часть мигрантов интегрировалась, что не остается незамеченным местным населением. Рефреном повторяется – «привыкли»:

«...сейчас более культурными все стали. Интернет помог всем, обрусели многие» (Ростов, местные, неквалифицированные, ФГ 1, 2017 г.).

«Я уже привык к тем национальностям, которые работают тут: узбеки, и другие уже привыкли. Город многонациональный, это уже в порядке вещей. И, не видя других национальностей в городе, людям будет скучно» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 2, 2015 г.).

«Нет уже такого отношения, что люди с опаской смотрят на трех бородатых молодых ребят, которые идут по улице, и явно видно, что они приехали с Кавказа... все осели, ассимилировались и подумали, как им жить здесь вместе. Начался процесс взаимного общения и взаимных договоров... Им пришлось социализироваться и с большим количеством людей вступать в контакт. Соответственно, пришлось понять, что не надо каждый шаг делать себе в ущерб. Когда ты работаешь, рядом с тобой работают люди других национальностей. Рядом с тобой живут тоже люди других национальностей. В какой-то момент ты понимаешь, что ты такой же, как и они... Привыкание происходит» (Астрахань, эксперт 1, 2015 г.).

«Снизился градус. Но это может быть абберрация. Может быть, где-то внутри это зреет» (Астрахань, эксперт 3, 2015 г.).

«На обывательском уровне абсолютно нормально» (Ставрополь, эксперт 2, 2016 г.).

Переосмысливаются даже те вещи, которые не принимаются. При всем неприятии женской мусульманской одежды появляются нотки ущербности, осознания не только декларативно-внешней праведности, но и в чем-то правильности такого позиционирования: *«Некомфортно, да, именно. Если честно, может, грубовато прозвучит при всех остальных девушках, но чувствуешь себя “не сильно тяжелого поведения” девушкой на фоне них. Они все такие закрытые»* (Ростов, местные, средний класс, ФГ 1, 2015 г.).

Этнофобии тесно переплетаются с мигрантофобиями. Когда пришлое становится не менее значимой, чем этническая принадлежность:

«Свои для астраханцев – это астраханцы. Не важно, кто они по национальности. Чужие – это те, кто сюда приехал... как правило, эти самые кавказцы... Татары для астраханцев – это абсолютно свои. Казахи... очень интересно дифференцируют население Астраханской области на наших казахов и не наших, т.е. которые из Казахстана приехали» (Астрахань, эксперт 2, 2015 г.).

«Коренные, имеется в виду, астраханцы – русские, калмыки, казахи, татары – да. А вот те, кто к нам тут приехал, – это пока не астраханцы» (Астрахань, эксперт 4, 2015 г.).

Отмечалось, впрочем, что *«даже свежеприехавшие “эволюционируют”... это спокойное [взаимо-] восприятие представителей другой культуры – большое достижение... конфликтность уходит и доверие восстанавливается... сейчас доминирует “давайте не будем лезть в душу”, но постепенно это переходит в узнавание, какое-то, возможно, медленное* (Ставрополь, эксперт 5, 2016 г.).

Межнациональные отношения отошли на последний план, отнесенные более животрепещущими для людей проблемами:

«Это не первая пятёрка проблем для Ростовской области» (Ростов, эксперт 1, 2017 г.).

«Где-то после первого десятка» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 1, 2015 г.).

«Не в десятке. Последние места» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

«Вообще на самое последнее. На последнее. Где-то в конце, да» (Ростов, местные, квалифицированные, ФГ 1, 2017 г.).

Об этом свидетельствуют и результаты опросов. По данным 24-й волны RLMS-HSE на Юге России 68,0 % опрошенных высказались, что в их населенном пункте межнациональные отношения хорошие (значения 7–10 по десятибалльной шкале). В Астраханской области отметили, что в их населенном пункте межнациональные отношения доброжелательные или спокойные (пункты 1 и 2 по пятибалльной шкале) – 67,9 % опрошенных, в Ставропольском крае – 50,9 %¹. Отметим при этом, что сами мигранты² в астраханском и ставропольском обследованиях были более оптимистичны, чем местные жители, как в оценках межнациональных отношений в их населенном пункте, так и в отношении к ним принимающего населения. Кроме того, как местное население, так и мигранты состояние межнациональных отношений в их населенном пункте оценивали лучше, чем в регионе.

Особое отношение – к украинским беженцам. Хотя принимающее население и стало существенно более негативно относиться к украинским мигрантам и украинцам в целом (ограничить их проживание на территории России в августе 2015 г. были готовы 14 % респондентов «Левада-центра» против 5 % в октябре 2013 г. и 8 % в июле 2014 г. [3, с. 2]), отношение к беженцам из Украины характеризуется скорее пониманием их проблем.

Но если по отношению к мигрантам других национальностей основные претензии концентрировались вокруг проблем культурного взаимодействия, в обсуждениях украинских беженцев доминировал ресурсный дискурс³.

Первоначальный энтузиазм 2014 г., когда на местах с чистым сердцем принимали беженцев, сменился спустя время если не отторжением, то напряженностью между ними и местным населением: «Люди возмущались, что они к нам понаехали» (Астрахань, эксперт 1, 2015 г.).

Массовый приток беженцев сказался на повседневной жизни принимающего населения в приграничных регионах России. Среди местных жителей была распространена точка зрения, что беженцы из Украины предъявляют необоснованные претензии. Отторжение вызывала позиция части мигрантов, что принимающее население им обязано помогать:

¹ Ставропольский эксперт отмечал, что в крае настроения более тревожные по сравнению с, например, Астраханской областью, которая не так далеко, и русских там намного меньше – 67 %.

² Внутренние мигранты в подавляющем большинстве – выходцы из северокавказских республик.

³ Мигрантофобии производны от страхов утраты ресурсов и утраты собственной идентичности [4, с. 167]. Преобладавшие в 1990-х гг. ресурсные мигрантофобии, ушедшие было в прошлое, вновь вышли на первый план применительно к украинским мигрантам.

«У украинцев вообще какая-то позиция по поводу России, что Россия им должна, Россия развела эту войну. И теперь мы должны их всех взять к себе домой, каждую семью поселить у себя дома, кормить их» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 2, 2015 г.).

Мигрантов обвиняли в том, что они отнимают рабочие места, причем не только в строительстве, на транспорте, в других производственных сферах:

«Девушки лёгкого поведения сбили даже цену. Путаны недовольны, потому что цены посбивались» (Ростов, эксперт 4, 2017 г.).

Столь же были распространены обвинения, что беженцы не хотят работать:

«Они хотят высокооплачиваемых рабочих мест, а нам самим их не хватает» (Астрахань, эксперт 2, 2015 г.).

Многих местных жителей раздражали чрезмерность претензий, отсутствие благодарности, иждивенчество и попрошайничество части мигрантов:

«...мы беженцы и не будем платить» (Крым, крымские татары, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

«...люди стали вести себя так, как будто мы им обязаны... На работе, например: “Почему ты сидишь?”, ответ просто убил: “А мне можно, я донецкий”» (Крым, русские, неквалифицированные, ФГ 6, 2017 г.).

Некоторые беженцы вызывали недоумение и сомнение в адекватности у местных жителей: *«Таксист был из Донецка, насколько я поняла, и он говорит: вот я приехал сюда и хочу, чтобы мне дали, вот я встал на учет, я хочу, чтобы мне дали квартиру на ЮБК»* (Крым, крымские татары, средний класс, ФГ 2, 2015 г.); *«Мы хотим жить в Ялте, мы хотим жить на море...»* (Крым, русские, квалифицированные, ФГ 3, 2017 г.).

Население обвиняло мигрантов в том, что благодаря им стало труднее устроить детей в дошкольные организации, поступить в вузы:

«Больше говорят не за то, что рабочие места заняли, а заняли места в школах, в институтах» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 1, 2015 г.).

«Поначалу они доставляли хлопоты при поступлении студентов» (Крым, крымские татары, неквалифицированные, ФГ 1, 2017 г.).

Предоставление жилья беженцам, особенно в общежитиях, также не вызывало понимания принимающего населения:

«В ДГТУ выселяли из общежитий людей, чтобы поселить там украинцев» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

И по сей день распространена точка зрения, что для беженцев делалось и делается больше, чем для местных и за счет местных:

«Мы готовы приютить, я лично не против. Но чтобы это не в ущерб коренному населению, почему мы должны тоже как-то страдать?» (Ростов, местные, низший класс, ФГ 2, 2015 г.).

Нарекания населения вызывали неуклюжие практики навязываемой властями добровольно-принудительной помощи мигрантам – так называемые марафоны, с которой столкнулись работники бюджетных организаций.

Распространенные в массмедиа и на уровне сарафанного радио обвинения в ухудшении криминогенной обстановки в связи с массовым притоком беженцев не способствовали доброжелательности местного населения:

«Что они [украинские строители] сделали? Они местную церковь обнесли. Пришли, забрали подаяние, унесли. Ничего святого у людей» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 1, 2015 г.).

«Где пустой дом, там живут украинцы, где кто-то уехал, там сразу заселяются украинцы. Они живут бесплатно, они приходят в магазин, им выдают еду. Они ничего не делают, они у соседей воруют кур, свиней» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

Мигранты же жаловались на трудности с работой, жильем, признавая, с известными оговорками, справедливость некоторых претензий принимающего населения.

К 2017 г. восприятие украинских мигрантов изменилось. Опыт контактов с беженцами показал, что не все циркулирующие слухи столь уж обоснованы. Сыграли свою роль привыкание, взаимная адаптация местных жителей и мигрантов: *«Ранее препятствовала как раз идентичность, то, что они подчеркивали, что мы беженцы, мы из Донбасса... сейчас если вы живете, не выделяя, не подчеркивая себя, никак не идентифицируя, то можете жить и работать»* (Крым, эксперт 5, 2017 г.).

Констатация того факта, что проблема межнациональных отношений не столь заботит население, как проблемы выживания, сопряженные с экономической и социальной обстановкой, сопровождалась критическим отношением к этническому большинству: на вопрос, есть ли национальность, которая доставляет больше всего проблем населению, чаще всего следовал встречаемый смехом ответ: «Русские».

Достаточно критично отношение к себе, к общей культуре принимающего населения: *«У нас на мате думают, а не говорят 90 % насе-*

ления. *Между собой надо разобраться*» (Ростов, местные, средний класс, ФГ 1, 2015 г.).

Постоянно подчеркивалось, что нельзя судить по частным случаям о всех мигрантах. Тема доверия и предубеждений к людям иной национальности неоднократно поднималась респондентами: *«На доверии и строится совместное общежитие... Доверие между людьми становится ниже. В межэтническом плане – выше»* (Астрахань, эксперт 1, 2015 г.). *«В основном ведут себя предвзято так... – это старики там, те, которые жили в СССР»* (Крым, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.). *«Они просто не воспринимают, они не могут понять, как можно доверять. Часто слышу от пожилого населения: “Как можно доверять таким национальностям?”»* (Крым, местные, низший класс, ФГ 1, 2015 г.).

Однако разные группы респондентов существенно различаются своим отношением к представителям той или иной национальности. Негативное отношение интолерантных респондентов к соседству с семьей другой национальности на порядок выше, чем среди толерантных респондентов¹ (рис. 2).

Рис. 2. Негативное отношение к соседству с семьей представителей этнических меньшинств респондентов, различающихся установками толерантности / интолерантности, % опрошенных

Работа в одном коллективе с мигрантами населением все чаще рассматривается как дело обыденное, многие, особенно представители среднего класса, отдадут должное их деловым, профессиональным и че-

¹ Методику классификации респондентов по уровню толерантности см.: [1, с. 32–33].

ловеческим качествам. Популярна точка зрения, что национальность не столь важна: *«Сложно с человеком работать, если он – сволочь, а ты не сволочь, или наоборот, ты – сволочь, а он не сволочь. Тебе надо воровать, а ему вера запрещает. Вот здесь сложности возникают и конфликты. А кто он – русский, узбек, татарин – разница особо не большая»* (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.). Одновременно делается разграничение: *«Если это люди в подчинении, то можно говорить об одних национальностях, если это люди над тобой, то это уже [другое дело]»* (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

Работа под началом руководителя другой национальности еще менее приемлема, чем соседство с иноэтничной семьей. Однако и в этом гипотетическом случае разброс мнений респондентов, различающихся установками толерантности / интолерантности, различается на порядок (табл. 1).

Таблица 1

Отрицательное отношение к работе под непосредственным руководством, % опрошенных

Национальность	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные
Азербайджанца	6,4	27,3	48,8	87,9
Армянина	5,2	24,4	36,3	83,6
Грузина	5,6	25,8	51,5	85,7
Дагестанца	7,2	28,4	53,0	87,9
Чеченца	7,2	32,3	55,0	89,0
Киргиза	6,4	29,6	53,0	91,2
Таджика	10,4	31,8	55,8	91,2
Узбека	10,4	31,6	56,1	91,2
Вьетнамца	7,2	32,0	53,7	90,1
Белоруса	0,8	7,9	15,1	7,7
Украинца	8,0	14,6	21,4	12,1

Чаще не готовы работать под руководством представителя другой национальности занятые респонденты. Причем представители среднего класса особо настороженно относятся к возможности работать с начальником-украинцем: *«С украинцами, если бы нос не задирали, думаю, можно было бы работать, но чтобы они были в подчинении»* (Ростов, местные, средний класс, ФГ 2, 2015 г.).

Этнофобии и мигрантофобии

Логично предположить, что интолерантность к представителям других этнических групп сопровождается неприятием мигрантов, и

множество носителей этнофобных и мигрантофобных установок если не совпадают, то в значительной степени пересекаются. Однако доля носителей интолерантных установок к представителям других национальностей относительно невелика (как, впрочем, и носителей толерантных установок, удельный вес которых еще меньше); подавляющее большинство населения, как было показано выше, не определилось в своей позиции, их установки расплывчаты и ситуативны. Как будет показано ниже, антимигрантские настроения более выражены и однозначны, их выказывают не только интолерантные, но и колеблющиеся респонденты.

Точку зрения, что нашей стране нужны как те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда, так и приезжающие только на заработки, выражают 12,4 % респондентов 24-й волны RLMS-HSE. Позицию, что стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда, поддерживают 14,4 %, что «нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не хотят здесь жить постоянно» – 10,9. Почти половина опрошенных (49,3 %) выступают против любых мигрантов («стране не нужны ни те, ни другие мигранты»). При этом значительная часть респондентов (13 %) затруднились в ответе или отказались отвечать.

На Юге России схожая ситуация. Позицию, согласно которой нужны все мигранты, поддерживают 11,3 % опрошенных, необходимость тех, которые хотят остаться жить здесь навсегда, – 12,2, что нужны лишь временные трудовые мигранты – 10,8 %. Более половины опрошенных (50,3 %) выступают против любых мигрантов и 15,1 % затрудняются в своем выборе.

Антимигрантские настроения в разной степени распространены в различных социально-демографических группах. Наиболее негативно, во-первых, к мигрантам относятся сельские жители, существенно реже сталкивающиеся с мигрантами, чем население городов, особенно больших городов, являющихся центром притяжения мигрантов. Во-вторых, жители поселков городского типа, в отличие от других горожан, отдавали явное предпочтение мигрантам, приезжающим на постоянное жительство, одновременно отвергая временную трудовую миграцию. В-третьих, мигрантофобии более выражены у мужчин, чем у женщин. В-четвертых, наиболее благосклонна к мигрантам молодежь. Наконец, позитивное отношение к мигрантам тесно коррелирует с образованием респондентов.

Связь между толерантностью к представителям других этнических групп и толерантностью к мигрантам несомненна. Сторонников

миграции можно чаще встретить среди толерантных респондентов. Однако толерантность к людям других национальностей необязательно совпадает с толерантным отношением к мигрантам, равно как этнофоб не обязательно является мигрантофобом. Большинство интолерантных респондентов против мигрантов, но более трети умеренно интолерантных согласны в той или иной мере, что мигранты необходимы; одновременно более 1/5 толерантных респондентов выступают против мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов с разными установками толерантности по отношению к мигрантам, % опрошенных

Ответ на вопрос «Какая из следующих точек зрения Вам ближе?»	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные
Нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда	8,0	13,7	9,1	3,3
Нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не хотят здесь жить постоянно	20,8	11,0	7,7	2,2
Нужны и те, и другие мигранты	36,0	11,0	7,7	2,2
Не нужны ни те, ни другие мигранты	21,6	47,1	65,6	93,4
Нет ответа, з/о	13,6	17,1	12,3	1,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Мигрантофобии имеют явную этническую коннотацию; этническая толерантность или интолерантность являются ключевым индикатором отношения к мигрантам. Однако, с одной стороны, существуют группы, в которых происходит сбой и установки толерантности / интолерантности прямо не коррелируют с отношением к мигрантам. С другой стороны, отношение к мигрантам не столь однозначно: наличествуют группы, склонные к селективной поддержке отдельных контингентов мигрантов (приезжающих навсегда, на заработки). Здесь играет роль, во-первых, личный опыт. Во-вторых – здравые размышления: «Если бы у нас их не было, мы бы жили грязно, на грязных дорогах, у нас бы были сломанные улицы» (Ростов, местные, квалифицированные, ФГ 1, 2017 г.). (Что наводит на мысль, что мигрантофобия, в отли-

чие от этнофобии, менее базируется на стереотипах и мифах и более подвержена «рацио», опирающемуся на личный опыт).

Согласно результатам опросов ведущих социологических центров, в 2014–2016 гг. отмечался спад антимигрантских настроений в российском обществе. Если в октябре 2013 г. на фоне прошедшей выборной кампании мэра Москвы, событий на Матвеевском рынке и в Бирюлево 81 % опрошенных выступали за ограничение проживания на территории России представителей тех или иных национальностей, то в августе 2016 г. такую позицию поддерживали 70 % респондентов [2, с. 190].

Население стало намного лояльнее относиться к мигрантам: в 2015 г. доля сторонников легализации нелегальных мигрантов, помощи в поиске работы и «ассимиляции» практически сравнялась с долей сторонников их выдворения за пределы России. Еще в 2014 г. соотношение было 1:3, а в 2013 г. – 1:5 [3, с. 4, 5].

Переоценивать тренд снижения мигрантофобий не следует. Во-первых, он отчасти ситуативен и определяется переключением внимания общества на других врагов, трансформацией информационных потоков, концентрировавших внимание на внешнеполитических событиях¹. Во-вторых, при ухудшении материального положения большинства россиян актуализировались проблемы выживания, адаптации россиян к новым экономическим реалиям. В-третьих, в 2015–2016 гг. снизился приток трудовых мигрантов в России, особенно по ключевым среднеазиатским направлениям.

Однако все вышеназванные факторы имеют конъюнктурный характер и могут развернуть тренд ксенофобии в любой момент. Пожалуй, единственный долгосрочный фактор, отмечаемый принимающим населением, – привыкание к представителям «видимых меньшинств» в ходе контактов с ними и адаптация последних к локальному социуму. Присутствие мигрантов на рынке труда становится привычным и социально одобряемым: в марте 2016 г. 53 % респондентов позитивно относились к использованию труда мигрантов в коммунальном хозяйстве, 50 – в сфере услуг (против – 39 и 38 % соответственно). За последние годы россияне стали более лояльно относиться к присутствию мигрантов в таких отраслях, как образование и медицина [7].

Но, несмотря на фиксируемое снижение мигрантофобий, «запас прочности» изоляционистских установок чрезвычайно велик: 2/3 опрошенных «Левада-центром» респондентов выступают против миграцион-

¹ О влиянии медиа на уровень межнациональной напряженности см.: [6, с. 17–32].

ного притока в страну, только четверть населения считает, что не надо ставить никаких административных барьеров для мигрантов [2, с. 186].

А как ситуация на Юге России? Данные RLMS-HSE позволяют вычленить среди респондентов 24-й волны участвовавших в 17-й волне, где задавался тот же вопрос об отношении к мигрантам (табл. 3).

Таблица 3

Отношение к мигрантам респондентов 24-й волны RLMS-HSE, участвовавших в 17-й волне и всех респондентов 24-й волны Юга России, % опрошенных

Ответ на вопрос «Какая из следующих точек зрения Вам ближе?»	RLMS-HSE, 17-я волна, N=909	RLMS-HSE, 24-я волна, N=1997
Нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда	10,1	12,1
Нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не хотят здесь жить постоянно	11,2	10,8
Нужны и те, и другие мигранты	11,1	11,3
Не нужны ни те, ни другие мигранты	52,4	50,3
Нет ответа, з/о	15,2	15,5
Итого	100,0	100,0

Восприятие мигрантов если и изменилось, то скорее в лучшую сторону: участвовавшие в 17-й волне не более толерантны, чем опрошенные в волне 24 другие респонденты. Среди них меньше интолерантных (18,7 %), но меньше и толерантных (5,6 %), а больше колеблющихся (75,7 %). Среди принимавших участие в 17-й волне респондентов меньше представлены жители областного центра, наиболее толерантные, и больше – сельские жители.

Похоже, на Юге России, как и в стране в целом, ситуация улучшается и уровень мигрантофобий и этнофобий населения снижается. Не стоит, впрочем, обольщаться: ксенофобия принимает латентные формы, не всегда фиксируемые в публичном пространстве. Ксенофобные настроения, настороженность к представителям отдельных «видимых меньшинств» достаточно устойчивы, разграничение на «желательные» и «нежелательные» меньшинства прочно укоренилось в общественном сознании.

Заключение

Терпимость, по мнению М. Уолцера, легче достигается в обществах, в которых нет огромного экономического неравенства, где действуют социальные лифты и в которых сильны разного рода ассоциации. Как афористично заметил И.Дж. Дион-мл. в рецензии на книгу М. Уолцера, «не может быть расовой справедливости без справедливости социальной» [8, с. 71–74, 132]. В российском обществе, сталкиваемся с этими проблемами, сформировался значительный контингент людей с распыленной социальностью: одновременно живущих в обществе и вне его.

Отсутствие материальной стабильности, неудовлетворенность работой, низкий уровень человеческого капитала, небольшой социальный капитал способствуют формированию установок недоверия, специфическому формированию структуры идентичностей индивидуума. В условиях атомизированного общества это продуцирует потерю ориентации в социальном пространстве, недооценку себя и своих возможностей, социальный пессимизм [9, с. 39]. Неуверенность и социальные страхи порождают антимигрантские настроения, дающие такому индивидууму четкие социальные ориентиры в пространстве «свои/чужие», способствуют канализации раздражения и фрустрации у дезадаптированной части населения [10]. Причем независимо от состояния межнациональных отношений: даже среди сверхинтолерантных респондентов лишь 4,4 % полагают, что межэтнические отношения в их поселении плохие¹.

Для людей определенного психологического склада, сталкивающихся с проблемами социальной инклюзии, интолерантность к представителям этнических и/или мигрантских меньшинств – следствие их интолерантности к неопределенности, неустойчивости к фрустрации.

Литература

1. Мукомель В.И. Ксенофобии на Юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 29–47.
2. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-центр, 2017. 272 с.
3. Ксенофобия и национализм (2015) [Пипия Карина] [Электронный ресурс] //

References

1. *Mukomel' V.I. Ksenofobii na Yuge Rossii: nositeli intolerantnykh ustanovok // Gumanitariy Yuga Rossii. 2017. T. 6, № 5. P. 29–47.*
2. *Obshchestvennoe mnenie – 2016. M.: Levada-Tsentr, 2017. 272 p.*
3. *Ksenofobiya i natsionalizm (2015) [Pipiya Karina] [Elektronnyy resurs] //*

¹ Группы 1–3 по 9-балльной шкале.

Левада-центр. Пресс-выпуск. 25.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (дата обращения: 28.12.2015).

4. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. М. : Московская школа политических исследований, 2000.

5. *Пипия К.* Интолерантность и ксенофобия [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Пресс-выпуск. 10.11.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (дата обращения: 17.07.2017).

6. ИНАБ № 3 – 2015. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. М. Ф. Черныш / Электрон. текст. дан. (объем 1,35 Мб). М. : Ин-т социологии РАН, 2015. 107 с.

7. Мигранты на российском рынке труда: за и против [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072. 29.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> (дата обращения: 17.07.2017).

8. *Уолцер М.* О терпимости / пер. с англ. И. Мюрнберг. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

9. *Гудков Л.Д.* К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 5 (49). С. 35–44.

10. *Гудков Л.* Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета. 2005. 26 дек.

da-tsentr. Press-vypusk. 25.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (data obrashcheniya: 28.12.2015).

4. *Levada Yu.A.* Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki 1993–2000. M. : Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000.

5. *Pipiya K.* Intolerantnost' i ksenofobiya [Elektronnyy resurs] // Levada-tsentr. Press-vypusk. 10.11.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (data obrashcheniya: 17.07.2017).

6. INAB № 3 – 2015. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti v regionakh Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] / otv. red. M.F. Chernysh / Elektron. tekst. dan. (ob'em 1,35 Mb). M. : In-t sotsiologii RAN, 2015. 107 s.

7. Migranty na rossiyskom rynke truda: za i protiv [Elektronnyy resurs] // VTsIOM. Press-vypusk № 3072. 29.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> (data obrashcheniya: 17.07.2017).

8. *Uoltser M.* O terpimosti / per. s angl. I. Myurnberg. M. : Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 2000. 160 p.

9. *Gudkov L.D.* K probleme negativnoy identichnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2000. № 5 (49). P. 35–44.

10. *Gudkov L.* Ksenofobiya kak problema: vchera i segodnya // Nezavisimaya gazeta. 2005. 26 dek.

Поступила в редакцию

9 ноября 2017 г.